

Е. Л. Фель

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Новелла Жана Дютура «Закат волков»
как образец комического переосмысления традиционного
сюжета**

Фель О. Л. Новела Жана Дютура „Захід вовків” як зразок комічного переосмислення традиційного сюжету. У статті розглядаються проблеми творчості французького письменника ХХ–ХХІ століття Жана Дютура, акцент ставиться на ролі комічного та його форм в новелі письменника „Захід вовків”. Переосмислюючи традиційний сюжет про слабого та сильного в модусі комічного, автор наповнює його сучасними реаліями й надає йому актуалізованих змістів сучасній історії.

Ключові слова: Дютур, комічне, модус, парадокс, іронія, байка, новела.

Фель Е. Л. Новелла Жана Дютура «Закат волков» как образец комического переосмысления традиционного сюжета. В статье рассматриваются проблемы творчества французского писателя ХХ–ХХІ века Жана Дютура, акцент ставится на роли комического и его форм в новелле писателя „Закат волков”. Переосмысливая традиционный сюжет о слабом и сильном в модусе комического, автор наполняет его современными реалиями и придает ему актуализированные смыслы современной истории.

Ключевые слова: Дютур, комическое, модус, парадокс, ирония, басня, новелла.

Fel E. L. The short story by Jean Dutourd „The Decline of Wolves” as an example of the comic recomprehending of the traditional plot. The article deals with the problems of literary work of the French writer of the 20th and the 21st centuries Jean Dutourd. The author emphasizes the comicality, its role, and its forms in short story by Dutourd „The Decline of Wolves” („Le crépuscule des loups”). Recomprehending the traditional plot about the weak and the strong in the comic modus, Dutourd fills it with contemporary realities and adds actualized senses of the modern history.

Key words: Jean Dutourd, the comicality, modus, paradox, irony, fable, short story.

Жан Дютур – современный французский писатель, автор большого числа романов, эссе, политических памфлетов, язвительных хронологических заметок, публиковавшихся на протяжении десятилетий в крупнейших французских газетах и составивших своеобразную летопись эпохи 60–90-х годов ХХ века. Его перу принадлежит также большое количество новеллистических произведений и своеобразных басен в прозе („Простофили” – „Les Dupes”, 1959; „Конец краснокожих” – „La Fin des Peau-Rouges”, 1964; „Закат волков” – „Le Crépuscule des loups”, 1971; „Grand Chelem à coeur”, 1998; Жемчужины и свињи” – „Les perles et les cochons”, 2006). В целом его творчество предстает как оригинальное и самобытное явление не только в истории французской, но и мировой литературы. Для него характерен своеобразный сплав наиболее продуктивных явлений в искусстве слова, сочетающих использование традиционных форм художественного осмысления современной действительности с чутким, но критическим отношением к ультрамодерным опытам, особенно если эти опыты реализуются за счет утраты смысла; философичность и нравственно-этическую озабоченность с активной гражданской позицией.

Философичность и стремление к постановке и осмыслению актуальных для своего времени нравственно-этических проблем характерны практически для всех жанровых разновидностей творчества Ж. Дютура, но особенно ярко проступают они в жанрах памфлета, новеллы и басни, которые зачастую обозначаются писателем как „моралите”.

Творчество Ж. Дютура, к сожалению, мало известно русскоязычному, а тем более украиноязычному читателю. Если на русском языке издан сборник избранных произведений писателя в переводах проф. А. Д. Михилева, включающий два его романа („Мемуары Мэри Ватсон” – „Memoires de Mary Watson”, 1980; „Седьмой день” – „Le Septième Jour”, 1995) [2] несколько новелл, то украинских переводов Ж. Дютура вообще не существует, как практически и нет работ о его творчестве, за исключением обстоятельного вступления переводчика. Что касается французской критики, она живо откликается на появление любого нового произведения писателя, откликается, за редким исключением, резко полемически, нападая на писателя с двух сторон. Левая, как правило, обвиняет его в консерватизме и реакционных убеждениях (в чем особенно усердствуют левые критики М. Галей, Ж. Мордийа, Л. Трамбле).

Так, например, для Ж. Мордья, Ж. Дютур, „гнусный дурак, старый реакционер, шляха правых и, что еще хуже, академик” [9:109]. В то же время даже этот озлобленный хулигатель творчества писателя не может не признать его несомненное достоинство – чувство юмора. И хотя оно ему кажется удивительным качеством для Дютура – „этой мыслящей грязи”, он считает, в частности, его книгу „Друг, который желает вам добра: малое руководство для составителей анонимных писем” (1981), „достойной быть включенной в программу всех школ, настолько ее стиль безупречный и вышедший из употребления стиль вызывает смех. Просто наслаждение” [9:109]. Для М. Галея эта книга так же является свидетельством „уморительной буффонады, прямо восходящей к традиции „Буvara и Пекюше” [6:25].

Правая же критика, в свою очередь, не шадит его за приверженность к язвительной и саркастической насмешке над глупостью современной эпохи и духовным убожеством политической и финансовой элиты (П. де Буадефр, Р. Пуле, ставя ему в упрек как раз его приверженность к юмору, который-де является уделом второстепенных писателей. Лишь Ф. Нуриcье, известный критик правого толка и не менее известный писатель, с сожалением констатирует, что Дютур – все же „стоящий писатель” [цит. по: 7:33].

О том, что „для подавляющей части французской критики комическое является плохим жанром” и наносит вред многим причастным к нему писателям, даже таким, как Марсель Эме [10:114] отмечает и исследователь жизни и творчества Дютура А. Покар в своей книге „Неисправимый Дютур” (1997).

Взвешенная и объективная критика, которая представлена такими именами, как А. Боске, Ф. Сенерт, М. Жеорис, Б. Леконт, А. Покар и др., представляет совершенно иной облик писателя – „нонконформиста” и человека, не приемлющего убожество современной эпохи, „моралиста”, пропитанного тем французским остроумием, которое присуще Монтеню и Мольеру, Вольтеру и Дидро, а также Риваролю, способного к созданию той „огромной сатиры” (роман „Свежее масло”. – Е.Ф.), которая исторгла бы крики и слезы радости у Леона Доде” [7:34, 35, 36]. Иронистом, сквозь мрачное настроение которого всегда просвечивает смешное, стилю которого присуща забавная снисходительность и пророческий дар – предвестник беды и безусловно „великим писателем” [8:37, 87] считает Ж. Дютура и Б. Леконт, автор книги „Несколько штрихов к статуе Дютура” (1997).

„Крупнейшим представителем французской художественной культуры второй половины XX века” [2:7] называет Ж. Дютура и отечественный исследователь его творчества А. Михилев, который видит предвзятость отношения значительной части французской критики к писателю в „пронизывающем все его творчестве духе нонконформизма, духе несогласия с ментально-идеологическим климатом нынешней эпохи, которую он последовательно не приемлет и аргументированно критикует” [2:7–8].

Причем критика эта осуществляется Дютуром в присущей ему манере модуса комического в его преимущественно ироническом и язвительно-саркастическом вариантах, о чем свидетельствует не только его сатирический роман „Свежее масло” или саркастически-насмешливые оригинальные жанры вроде трактата о журналистике (с ироническим рекламным слоганом „Лучше, чем учебник, это Библия”) „Распродажа готового платья идет полным ходом” („Ça bouge dans le grêt-à-porter”, 1989) и малого наставления для составителей анонимных писем „Друг, который желает вам добра” („Un ami qui vous veut du bien”, 1981), но и его пристрастие к таким назидательно-сатирическим жанрам, как философская сказка в духе вольтеровского „Кандида”, басня, моралите.

Одной из характерных особенностей дютуровских сказок, басен и моралите является использование в них традиционных сюжетов, но с обязательной привязкой их к социально-политическим, философско-этическим или духовным реалиям современной действительности. Это касается и анализируемой нами басни „Закат волков”, хотя жанр данного дютуровского произведения требует уточнения.

В первой своей публикации в сборнике „Закат волков” (1971) это заглавное произведение, наравне с другими, было обозначено как моралите. В то же время в авторском послесловии, на задней обложке данного сборника, помещенные в нем произведения названы „баснями в прозе”. Как „басня в прозе” „Закат волков” подается в повторной публикации в сборнике „Жемчужины и свиньи” (2006). Однако по объему и сюжетно-композиционной структуре данное произведение больше тяготеет к короткой новелле, поскольку в отличие от басни имеет ярко выраженный парадоксальный сюжет, достаточно развернутые характеристики персонажей и размытый моральный вывод.

„Закат волков” представляет собой переосмысление сюжета известной басни Эзопа – Лафонтена – Крылова „Волк и ягненок”. Для более полного анализа вспомним эзоповский протосюжет: „Волк увидел ягненка, который пил воду из речки, и захотелось ему под благовидным предлогом ягненка сожрать. Встал он выше по течению и начал попрекать ягненка, что тот мутит ему воду и не дает пить. Ответил ягненок, что воды он едва губами касается, да и не может мутить ему воду, потому что стоит ниже по течению. Видя, что не удалось обвинение, сказал волк: „Но в прошлом году ты бранными словами поносил моего отца!” Ответил ягненок, что его тогда еще и на свете не было. Сказал на это волк: „Хоть ты и ловок оправдываться, а все-таки я тебя съем!” Басня показывает: кто заранее решился на злое дело, того и самое честное оправдание не остановит” [3:214].

Здесь, как мы видим, налицо классическая жанровая матрица басни в прозе: короткий прозаический рассказ аллегорического характера; сжатый событийный ряд, лишенный всякой детализации и описательности; четко сформулированный в конце рассказа моральный вывод. Вариант этой басни у Л. Н. Толстого практически сохраняет эзоповскую структуру; меняется только слегка мотивация последней реплики волка, которая звучит следующим образом: „Тебя не переговоришь. Так я натошак зато и съем тебя” [3:383]. Однако в толстовском варианте полностью снят такой важный элемент басни, как мораль.

В отличие от эзоповского варианта басни, ее лафонтеновская и крыловская версии (которые очень близки в структурно-содержательном плане) являются баснями стихотворными и творчески переработанными. Так, мораль, традиционно завершающая поучительную историю и располагающаяся в самом ее конце, в басне Лафонтена и Крылова помещена в начало рассказа:

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому мы тьму в Истории примеров слышим;
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в баснях говорят [1:20].

Здесь мораль не только вынесена вперед, но она приобретает совершенно иной, в сравнении с эзоповским, смысл. Речь в данном случае идет не об индивидуально-личностной склонности человека довести до конца задуманное недоброе дело, а поднимается на уровень социально значимого и экзистенциального явления. Кроме того, значительно обогащается художественный мир повествования за счет детализации самого события: дается характеристика погоды („Ягненок в жаркий день пришел к ручью напиться”), состояния Волка („голодный рыскал Волк”; Волк „кричит”, гневается). Усиливает эффект рассказа и комически звучащая мотивировка вины Ягненка: „Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать” [1:21].

Однако, несмотря на указанные различия, во всех этих вариантах схема и последовательность событий эзоповского протосюжета, равно как и типы персонажей и их взаимоотношения изменений не претерпевают. Совершенно иную структуру сюжета мы наблюдаем в дютуровском варианте, характер переосмысления в котором определяется модусом комического, обусловленным прежде всего замыслом писателя (о чем говорит само название: „Закат волков” вместо „Волк и Ягненок”) и переводом в комическую ипостась образа ягненка. В свою очередь это ведет к перевернутости сюжета и вытекающим из этого комическим ситуациям. Перевернутость традиционного сюжета заявляется уже в первой фразе дютуровской версии эзоповской басни. В ней не волк видит пьющего из реки воду ягненка, а, наоборот, жажду утоляет сам волк. Причем сообщение об этом сопровождается достаточно развернутым описанием персонажа: „Это был старый с белой шерстью волк, на счету которого числилось множество славных деяний. Возраст слегка утомил его, слегка отяжелил, но он по-прежнему был красив, с благородной осанкой, задумчивыми глазами и еще со всеми своими зубами” [4:143] (Здесь и далее перевод наш – Е.Ф.).

Только после этой фразы на сцене появляется ягненок, описание которого дается в явно комическом плане, в котором подчеркнуто краткая контрастная характеристика внешнего портрета персонажа сопровождается насмешливым перечислением его достоинств: „Он был весь черный, поскольку происходил от черного барана и черной овцы (напомним, что волк – белый. – Е.Ф.). Он состоял членом „Революционной ассоциации баранов” (РАБ), „Лиги прав овец” (ЛПО), „Объединенной партии баранов” (ОПБ). Это было юное животное с самым великим будущим. Он выступал на всех собраниях в овчарнях, расположенных в восьмидесятикилометровой окрестности и объяснял баранам данного края, что пришло время баранов. Он обладал исключительным ораторским даром. Его речи электризовали овчарни. Его мстительные разглагольствования вызывали энтузиастические „блеяния”. Благодаря ему и нескольким баранам его закалки, народ баранов начинал осознавать свои силы” [4:143–144].

Трансформация традиционно жертвенного персонажа в персонаж явно комический коренным образом меняет каноническую ситуацию. Возникает эффект парадокса. Уже не волк предъявляет нелепые обвинения дрожащему ягненку, а с обвинениями на мирно настроенного волка обрушивается юный ягненок – пламенный борец за бараньи права. Его страстные обвинения смешны, поскольку в сущности абсурдны. Уже с первой невинной фразы миролюбиво настроенного волка ягненком овладевает гнев, усиливающий комизм его обвинений. На удивление волка, выразившееся в осторожном возгласе: „О, черный баран!” ягненок раздражается (буквально: „Он взревел”) обличительным поучением: „Вы должны были бы сказать, невежа, „цветной баран!” [4:144] (аллюзия писателя на пресловутую проблему политкорректности, характерную для политической жизни Запада во второй половине XX века.

Агрессивность ягненка по мере развертывания пространного диалога (что не характерно для басни) между ним и волком нарастает, несмотря на примирительную позицию последнего. Волк все время извиняется, просит прощения (за свою устаревшую манеру выражаться – по поводу „черного барана”, обещает на будущее исправиться), обращается к логике разумных доводов, пытаясь дать понять ягненку, что единственный в округе ручей, из которого пили всегда все его предки, является общественным достоянием и должен принадлежать всем. Но воинственный ягненок категорически запрещает волку прикасаться „своим грязным рылом” [4:144] к водам реки, поскольку прошли времена „когда на земле господствовали волки, а бедные бараны подвергались всевозможной эксплуатации” [4:144]. Теперь же река, с гордостью заявляет ягненок, национализирована „прославленным народом баранов, освободившимся от рабства и уверенно идущим к блеющему будущему” [4:144–145], а бараны, получив политическое образование, больше не боятся баранов, поскольку обрели равенство с волками. Ягненок в дерзкой манере делает последнее предупреждение волку и, в случае отказа волка убраться, угрожает ему обращением в „Организацию объединенных животных” (комическое переосмысление Организации Объединенных Наций) с жалобой „на нарушение территориальных вод, явный акт разбойного нападения и открытия враждебных действий” [4:145–146].

В душе униженного несправедливостью и выведенного из терпения волка пробуждается забытая гордость и он „ледяным голосом” [4:146] советует ягненку убраться прочь в течение тридцати секунд. Перед традиционной развязкой (волк набрасывается на ягненка) Дютур вводит еще один комический эпизод: в ответ на требование волка убраться ягненок выкрикивает: „Жить свободным или умереть” [4:146].

Таким образом, мы видим, что дютуровский вариант переосмысления традиционного сюжета басни о Волке и Ягненке выполнен в модусе комического. Комическое здесь представлено достаточно широким спектром своих разновидностей. Прежде всего – это комизм одного из персонажей, Ягненка, поведение которого, само являясь комическим, порождает комическую ситуацию в целом и различные ее проявления в частности. Комизм персонажа ведет к парадоксальному построению сюжета, к его комической перевернутости, где на определенное время жертвой несправедливости, обвиняемым, становится традиционный обвинитель – Волк. Это двусмысленное положение персонажа определяет и ироническое название произведения Дютура – „Закат волков”, ироническое, поскольку в итоге восстанавливается исконная ситуация: волк поедает ягненка.

Модус комического реализуется также за счет комизма наименований политических партий и объединений („Объединенная партия баранов”, „Революционная ассоциация баранов”, „Лига прав овец”, „Организация объединенных животных”); комизма шаржированной политической лексики („пришло время баранов”, „цветной баран” (вместо черный); „национализация реки прославленным народом баранов”; комических эпитетов („блеющее будущее”, „объединенные животные”).

Комический модус повествования повлек за собой и трансформацию финального басенного элемента – морали. У Дютура эта часть достаточно развернута и пространна, она оставляет широкий простор для раздумий и неоднозначных выводов, которые затрагивают широкий спектр современных реалий, как социально-политических, так и философских.

Таким образом, Ж. Дютур, переосмысливая традиционный сюжет о жертве и насильнике, слабом и сильном в модусе комического, наполняет его современными реалиями политической борьбы и придает ему актуализированные смыслы современной истории (массовые движения обездоленных, различные объединения левого толка, неизбежность права сильных мира сего и т. д.).

Литература

1. Крылов И. С. Сочинения : в 3 т. Т. 3. Басни. Стихотворения. Письма / И. С. Крылов. — М. : Худож. лит., 1946. — С. 20—21.
2. Михилев А. Д. Жан Дютур: меня начнут обожать после смерти / А. Д. Михилев // Дютур Ж. Воспоминания Мэри Ватсон : Романы, рассказы / Пер. с фр. и вступ. ст. А. Д. Михилева. — Х. : Фолио, 1999. — 398 с. — [Вершины : Мастера].
3. Эзоп. Басни / Эзоп. — М. : Изд-во Эксмо, 2004. — 448 с. — [Антология мудрости].
4. Dutourd J. Les perles et le cochons /Jean Dutourd. — P. : Plon, 2006. — 218 p.
5. Dutourd J. Le crépuscule des loups /Jean Dutourd. — P. : Flammarion, 1971. — 234 p.
6. Galey M. Dutourd : retours aux envoyeurs / M. Galey // Express. — 1981. — № 1580 (23 octobre). — P. 25.
7. Géoris M. Jean Dutourd / Michel Géoris // La Revue de Paris. — 1969. — № 9. — P. 33—38.
8. Leconte B. Quelques coups de burin pour la statue de Dutourd / Bernard Leconte. — P. : Plon, 1997. — 137 p.
9. Mordillat J. // Lire. — 1983. — № 89 (janvier). — P. 109—113.
10. Paucard A. Dutourd l'incorrigible. — P. : Flammarion, 1997. — 153 p.